

Евгений ЭРАСТОВ

* * *

В траве земляника алеет,
Чихает хозяйственный еж,
И облако в небе белеет,
А в поле лоснится и зреет,
Полнеет красавица рожь.

Глубокого неба колодцы
Двухвостые режут стрижи,
И в узеньком темном болотце
Смешные резвятся ужи.

И каждый свернувшийся ужик,
Что весел, отважен и лих,
Болотную тину утюжит
В сообществе юрких ужих.

Там кочка мягка, как подушка,
И среди узаконенной мглы
Скучает царевна-лягушка
В предчувствии острой стрелы.

* * *

Хрустальным холодом пугает нас зима.
Среди тотального, мучительного мрака
Под капюшонами скрываются дома,
Дрожит у мусорки бездомная собака.

Мы это видели и видим каждый год —
На трассах мерзлые, спидозные марухи.
Сядь к дальнобойщику, быть может, повезет —
В Шарье ли высадит иль выкинет в Быструхе.

Давно не здорово все это разгребать,
Дружить с лопатою и с ломом окаянным.
И все-то кажется, что нам несдобровать
С продрогшей вишнею, с амбаром деревянным.

Евгений Ростиславович Эрастов родился в 1963 году. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук. Публиковался в журналах «Волга», «Москва», «Дружба народов», «Звезда», «Наш современник», «Новый мир», «Сибирские огни», «Подъем», «Юность» и др. Автор шести поэтических и четырех прозаических книг. Живет в Нижнем Новгороде.

Я в кущи райские едва ли попаду —
Пред светлым ангелом я слишком виноватый.
Порой мне кажется, что я давно в Аду —
В высоких валенках, с лопатой щербатой.

И с лобовухи след причудливого льда
С плебейским рвением подранка
Стираю бережно, как будто навсегда,
Зеленой карточкой Сбербанка.

А рядом бомж сидит по прозвищу Харон
И на мою глядит расстроенную лиру.
Забыл он начисто про Стикс и Ахерон —
И лодку отняли, и продали квартиру.

Забыл про ваучер, чеченскую войну.
Беззубой челюстью дошкольников пугая,
Сидит на коврике и воет на луну:
«Страна родимая, ментовка дорогая..»

* * *

Не бежит, как раньше, дрожь по коже,
И уже понять не в силах я —
Неужели больше не тревожит
Подростковый страх небытия?

Снова вижу голубой цикорий
И большие пышные стога,
И картина русских плоскогорий
Мне, как в детстве, снова дорога.

Дороги кувшинка на болоте,
Лягушонка выпученный глаз,
Небо в предзакатной позолоте.
...Почему, же на привычной ноте
Ты свой стих не кончишь в этот раз?

Потому, что время исчезает
И летит в беззубый кавардак,
Потому, что время уползает
Из стеклянной колбочки во мрак.

И безумный лет слепых песчинок
Не прервать умелою рукой.
...Вот и кончен с жизнью поединок.
Пустота. Забвение. Покой.

КОСТЯ ТРЕПЛЕВ

«Люди, львы, орлы и куропатки...»
Убежать хотелось без оглядки
В те непостижимые края,
Где трава растёт по самый пояс,
В те края, где жить не беспокоясь
Ты бы смог, желанья не тая.

Вечный сын Гармонии Небесной
Припадал бы к заросли древесной,
К вечному кастальскому ключу.
И смотрел на горы и на нивы,
На соцветья яблони и сливы,
Там ты был и сильный, и счастливый,
Там любое дело по плечу.

От греха спаси его, Создатель.
У него такой печальный вид.
Костя вдруг решил, что он — писатель.
Мастер сцены, русский Еврипид.

Кто сказал, что будешь ты в анналах?
Призраки маячат в зеркалах.
Пьесы не печатают в журналах,
Горничные шепчутся в углах.

От пастозных, сиволапых танек
Словно нутряной исходит ток:
«Подари целковый или пряник,
Балахнинский, с кружевом, платок.

Девушка не станет на халяву,
Нужен ей конкретный интерес».
Там, в сенях, не думают про славу,
Не читают квельх поэтесс.

Грубый мир осмыслить не пытайся,
Всех своих обидчиков прости.
...Костя Треплев, только не стреляйся!
На Руси романтики в чести.

* * *

Мне такая приснилась картина —
Дождь картавый, парижский бульвар,
Обветшалых годов паутина,
Ходасевич, Берберова Нина,
Эмигрантский столикий кошмар.

Большевиcтские пули со свистом
Прерывают обугленный стих.
Брось поэзию, стань журналистом,
Нигилистом, дружок, пофигистом,
Мой кастрюлю одну на двоих.

И суши свои простыни рядом
С простынями парижских бродяг,
Пей абсент под сквозным листопадом
За Поэзию, мать твою так...

Крошки стряхивай с ветхих матрасов,
Но не смей ни кривиться, ни ныть!
Ведь сказал же однажды Некрасов,
Что поэтом ты можешь не быть.

Сиплый ветер задует мне в спину,
Вспомню дождь и соборных химер,
Владислава я встречу и Нину
На бульваре des Filles-du-Calvaire.

Расскажу, как жестки и суровы
Стали люди от бед и труда.
За высокое русское слово
Предложу я им выпить тогда.

За издания «Гиперборея»,
Царскосельских пугливых бельчат,
За детей, что растут все быстрее,
Тех, которые ямб от хорей
Через тысячу лет отличат.

* * *

Свет проходит сквозь кожу опечаленных век.
До чего же тревожен ты, чудак-человек!

Как привык ты цепляться за поруганный свет!
И с улыбкой паяца тихо сходишь на нет.

В мире волчьего сыска и бездонной пурги
Смерть страшней василиска и беззубой Яги.

Это девушка в белом, мир слепых тубероз,
Это иней несмелый, субдуральный наркоз,

Исключительно долгий — навсегда, навсегда.
...Словно вечер на Волге, где тускнеет вода.